

## ПОДАТНОЙ СПОР КУПЦА Г.И. ФУКСМАНА С МИНИСТЕРСТВОМ ФИНАНСОВ В 1913 г.: ФОРМАЛЬНЫЕ ДОВОДЫ И ИХ ДЕЙСТВИТЕЛЬНАЯ ПОДОПЛЁКА

В 1913 г. между адвокатом П.В. Вологодским, представлявшим интересы томского мукомола Г.И. Фуксмана, и чиновниками Минфина разгорелся спор, связанный с уплатой промыслового налога за 1911–1912 гг. Вологодский доказывал, что вменённая мельнице Фуксмана прибыль чрезвычайно завышена, причём нарушена должностная инструкция. Чиновники, от податного инспектора до товарища министра, последовательно отклоняли претензии адвоката. В конечном счёте отказ по жалобе опирался на формальное основание – отсутствие у плательщиков, не ведущих правильной бухгалтерии, права обжаловать размер вменённой прибыли. На деле же раскладочным присутствием руководило желание наказать мукомола за повышение мучных цен после западносибирского неурожая 1911 г. «Дело Фуксмана» показывает наличие у чиновников поздней Российской империи возможностей отягощать налогообложение предпринимателей исходя из личных предпочтений, ограниченных, однако, заранее известными рамками закона. Статья опирается на документы из фондов казённой палаты и податного инспектора, впервые вводимые в научный оборот.

**Ключевые слова:** Фуксман Григорий Ильич; Вологодский Пётр Васильевич; раскладочное присутствие; промысловый налог; западносибирский неурожай 1911 г.; российское купечество начала XX в.

Историки многократно обращались к изучению взаимоотношений дореволюционного предпринимательства и государственной власти [1–7]. Хорошо известно, что предприниматели имели возможность через систему отраслевых, региональных и всероссийских советов съездов и других коллегиальных органов доносить до власти свои пожелания, и эти пожелания учитывались. Известно также, что сотрудничество государства и предпринимателей зависело во многом от государственных заказов, составлявших существенную часть внутреннего рынка. Изучение этих сюжетов привлекательно тем, что здесь выходят на арену крупнейшие фирмы и их объединения, которые делают погоду в условиях «государственно-монополистического» капитализма. При таком подходе за кадром остаётся среднее и мелкое предпринимательство – лавки, магазины, крупные мельницы, консервные заводишки, небольшие пароходства и другие им подобные. Между тем именно эти предприятия, по стране исчислявшиеся сотнями тысяч, составляли питательную среду для более крупного производства, необходимое условие повседневного существования экономики.

Из классиков к изучению мелкого, но не отсталого и убогого, а современного и успешного предпринимательства первым подошёл К.Н. Тарновский, однако в силу внешних обстоятельств это направление было приторможено, книга Константина Николаевича вышла лишь посмертно [8]. В настоящее время изучение качественного роста мелких и средних предпринимателей продолжается на местном материале; при этом в центре внимания – внутренняя эволюция явления, а не внешние условия [9, 10].

Григорий Ильич Фуксман – сын купца и сам купец, владелец пароходства, винокуренного и конного заводов и заодно первой (и до 1914 г. – единственной в Томске) паровой мельницы. В пятиэтажном здании мельницы действовала современная 200-сильная машина, трудились 80 рабочих. Не чета базарным лавочникам, Г.И. Фуксман мог себе позволить иметь хороших управляющих, оставлявших на его долю лишь общее руководство семейным делом. Григорий Ильич не гнался за новшествами. По традиции

выкупал первогильдейское свидетельство, что после реформы 1898 г. уже не было необходимо крупному предпринимателю. По старинке вёл дело на собственный капитал и под личную ответственность, не пользуясь частой для начала XX в. практикой превращения единоличной фирмы в акционерную компанию. Человек небезызвестный среди предпринимателей и чиновников губернского центра, он не входил в высший круг сибирских воротил-миллионеров и был далёк от элиты российского предпринимательства.

Один из наёмных работников Г.И. Фуксмана – известный в годы первой российской революции деятель сибирских эсеров, сибирский областник, в будущем – знаменитый председатель колчаковского правительства, юрист по образованию и присяжный поверенный по роду службы Пётр Васильевич Вологодский. В бумагах Томской казённой палаты сохранилась копия доверенности Г.И. Фуксмана, посредством которой купец поручает присяжному поверенному «принять на себя труд по ведению во всех судебных и административных учреждениях всех без изъятия гражданских и уголовных дел моих». Полный перечень связанных с этим полномочий превышает два десятка строк и подытоживается так: «Одним словом, по всем делам моим можете действовать от моего имени по Вашему усмотрению, охраняя мои интересы» [11. Л. 117].

Доверенность выполнена на типографском бланке, в котором пропущены отдельные слова и окончания слов (так, чтобы можно было оформить документ и от одного доверителя, и от нескольких), но уже впечатаны фамилия, имя и отчество адвоката. Значит, заключение договоров о юридическом обслуживании было для П.В. Вологодского делом обычным. Г.И. Фуксман не являлся для него единственным источником дохода. Тем не менее дела своего доверителя будущий премьер-министр вёл тщательно, интерес мукомольного предприятия отстаивал настойчиво и создал массу неприятностей для чиновников Минфина.

Непосредственный толчок спору дало решение 2-го Томского раскладочного присутствия. Рассмотрев поданные предпринимателями налоговые декларации, оно 19 июня 1913 г. обнародовало суммы,

подлежащие уплате за 1912 г. Раскладочные присутствия – детище реформы промыслового налога 1885 г., передовая форма устройства податного аппарата. Ставя задачей взимать налог в зависимости от действительной прибыли предприятий и не имея возможности точно узнать прибыль мелких предприятий, государство использовало опыт самих предпринимателей. Выборные от плательщиков промыслового налога, объединившись вместе с податным инспектором в раскладочном присутствии, проверяли все поданные в начале года «заявления» предпринимателей об оборотах и прибылях года минувшего. Определив по своему разумению сумму оборота плательщика, присутствие умножало её на процент «нормальной прибыльности» по данной отрасли (установленный присутствием же и утверждённый казённой палатой); так вычислялся размер облагаемой прибыли. Действовала «презумпция виновности»: если плательщик не мог безусловно доказать свою правоту, ему приходилось платить налог со всего вменённого ему дохода.

Был только один надёжный способ избежать невыгодной предпринимателю ошибки со стороны присутствия: обзавестись грамотным бухгалтером. Правильные бухгалтерские книги были редкостью среди «неотчётных» (неакционерных) предприятий. Не в каждом уезде на сотню плательщиков приходился хотя бы один обладатель передовой отчётности. В начале века не вели книг и Фуксманы, но столкнувшись с требованием податного инспектора, быстро перестроились<sup>1</sup>. По всей видимости, на протяжении ряда лет их книги не вызывали нареканий, и прибыль фирмы определялась в соответствии с декларациями. В 1913 г. присутствие приняло заявленный по мельнице оборот (1 160 тыс. руб. за 1912 г.), но прибыль начислило вчетверо против заявленной (не 61 304, а 232 080 руб.). У Фуксмана и его помощников оставался месяц на подачу возражения.

Первый из сохранившихся в деле ответных документов за подписью П.В. Вологодского – его обращение в Томскую казённую палату от 27 июня с просьбой выдать выписку из журналов 2-го Томского раскладочного присутствия «с указанием данных, коими Раскладочное Присутствие руководствовалось при проектировании процента средней прибыльности в 1912 и 1913 гг.<sup>2</sup> по группе мельничных предприятий» и выписку из журналов общего присутствия казённой палаты, касающихся утверждения этого процента [12. Л. 16]. Очевидно, присяжный поверенный чётко представлял себе механизм работы учреждений, ведающих промысловый налог.

Однако казённая палата прикрылась законом и инструкцией, которые «не возлагают на податные учреждения обязанности открывать отдельным плательщикам те основания, по которым утверждён тот или иной процент средней прибыльности <...> и не дают плательщикам права возражать против установленного размера этих процентов». Чтобы закрыть вопрос наверняка, палата сослалась даже на решения высшего арбитражного органа страны – Сената, прямо подтверждающие невозможность обжалования «нормальной прибыльности» [12. Л. 20 об. – 21].

Ответ палаты был отправлен 16 июля – за три дня до истечения срока подачи жалоб на раскладку. Но Вологодский успел: 19 июля томское раскладочное присутствие зарегистрировало полученное от него 7-страничное официальное возражение, полное цифр и не лишённое риторической отделки. Оно открывается доводами Вологодского против соображений присутствия об изъянах бухгалтерских книг предприятия. Часть соображений (о том, что не показан состав чистого капитала на начало и конец года) он назвал недоразумением (перечислив необходимые статьи баланса); ещё в одном случае – со ссылкой, в свою очередь, на сенатское решение – доказывал, что указанная неточность «не может служить основанием для опорожнения торговых книг» [12. Л. 136–139].

Не ограничиваясь обороной, Вологодский атаковал противника: приведя точные ссылки, он напомнил, что инструкция о применении Положения о промысловом налоге требует для установления «нормальной прибыльности» обследовать хотя бы несколько предприятий в каждой группе. Между тем мельница Фуксмана в своей группе по данному участку была единственной. Кому, как не Вологодскому, было знать, что на мельницу инспектор не заходил – значит, ни одно предприятие группы не обследовано, инструкция нарушена.

Помимо формальных доводов, Вологодский обращал внимание чиновников и на экономическую обстановку. Пока палата тянула с ответом на его первый запрос, он успел застаться справками о хлебных ценах 1911–1912 гг. от Томской товарной биржи (цены на крупчатку и отруби) и биржи в Новониколаевске (цены на пшеницу). Простыми подсчётами на основе этих цифр Вологодский доказывал, что разница между ценой покупки поставленного на мельницу зерна и ценой продажи муки, которую из этого количества зерна можно получить, т.е. валовой доход, едва покрывает сумму чистой прибыли, вменённой присутствием. На этом основании он требовал если не признать книги, то хотя бы в несколько раз уменьшить процент «нормальной прибыльности».

Присутствие уважило обстоятельность Вологодского и подготовило на редкость подробный ответ. К стандартному бланку журнала заседаний по рассмотрению возражений плательщиков на раскладку (где на «мотивированное заключение» присутствия отводилось менее половины страницы) пришлось добавлять четырёхстраничный вкладьш. Повторив старые претензии к несоблюдению обязательных бухгалтерских форм, присутствие выдвинуло и новые. Сокращение чистого капитала в течение года на 260 тыс. руб., указанное в возражении П.В. Вологодского, при заявленной чистой прибыли в 61 тыс. присутствие назвало внутренним противоречием, свидетельствующим о запутанности счетов предприятия. Уточняя былую претензию по расходу, не относящемуся к мельнице, присутствие пояснило, что этот расход был указан лишь в виде примера. На самом же деле таких расходов довольно много, а ещё больше расходов, точное назначение которых не указано. «Таким образом, – указывало присутствие, – отчетность ведётся не только по мельнице, но совместно с нею по всему имуще-

ству владельца мельницы Г. Фуксмана и по лавке его отца И. Фуксмана, а это обстоятельство, как неоднократно разъяснял Правит[ельствующий] Сенат, делает книги неприемлемыми для определения по ним при- были» [12. Л. 147–150].

Решения участкового присутствия по таким делам подлежали утверждению казённой палаты. Решение по делу Вологодского общее присутствие палаты, при участии выборных от плательщиков, утвердило 26 августа 1913 г. Доводы присутствия, очевидно, показались ему бесспорными, и оно повторило их уже от своего имени, лишь в более чётком изложении [Там же. Л. 151–151 об.].

Таким образом, возражение Вологодского постигла обычная судьба возражений на раскладку. Податные присутствия нечасто признавали собственные ошибки, ещё реже палата бралась исправлять действия своих подчинённых. Доверенный Фуксмана не был единственным, чью жалобу отклонили в тот год во 2-м томском присутствии, но только он продолжил борьбу за пределами губернии.

18 июля 1913 г. Вологодский подал в Томскую казённую палату жалобу на имя министра финансов [Там же. Л. 220–221]. Этот документ (копию которого палата сохранила для себя) проявляет политическую расчётливость его автора. Не отвлекая министра бухгалтерскими подробностями, он целиком сосредоточивается на прегрешении его подчинённых против министерской инструкции. «Не подлежит сомнению, что если бы указанное в п. 3 § 78 Инструкции обследование было бы произведено, Присутствие само убедилось бы, на основании неоспоримых документальных данных, имеющих в счетоводстве предприятия моего доверителя, что действительная прибыль Ильинской мельницы моего доверителя в 1912 и 1913 гг. не превышает 5–6% и ни в коем случае подобное предприятие не может дать чисто фантастического размера прибыльности в 20%». Инспектору достаточно было прийти и взять неоспоримые документы, а он не пришёл и не взял – такова, коротко говоря, главная мысль жалобы.

Для уяснения расчётов жалобщика показательно сопоставление дат документов. Едва получив отказное решение палаты (от 16 июля) по своей просьбе насчёт справки о методах определения нормальной прибыльности, Вологодский первым делом принимается не за возражение на раскладку (с его «горящим» крайним сроком подачи), а за жалобу министру, которую и подаёт 18 июля. По-видимому, из ответа палаты он уже понял, что на уровне губернии шансов на успех нет. Не исключено, что он даже специально отложил подачу возражения на раскладку до самого последнего дня (19 июля), чтобы отсрочить решение палаты по своему возражению. Как ни мал срок в один день, всё-таки это увеличивало шансы на то, что в палату успеет поступить министерский нагоняй, и это заставит нерадивых исполнителей более чутко подойти к интересам Фуксмана.

Инструкция, на которую ссылался дотошный адвокат, действительно была нарушена. Уже в декабре, при подведении итогов раскладочной кампании, палата мягко поставит на вид инспектору, что упреки

Вологодского «действительно не опровергаются в полной мере данными раскладочного производства» [12. Л. 233–234]. Но перед лицом общего противника дух корпоративной солидарности у руководителей министерства оказался сильнее, чем раздражение неисполнительностью местных чиновников. Ответ из столицы, подготовленный на основе справки из Томска, был не в пользу сибирского мукомола. Однако история подготовки этого ответа показательна. Сопоставляя отношение податного инспектора в палату, доклад палаты в министерство и министерский ответ заявителю, мы можем увидеть скрытую до сих пор пружину разгоревшегося в Томске противоборства.

Инспектор, по требованию палаты отвечая на претензию Вологодского [Там же. Л. 222–223], начал излагать историю с 1912 г. Невыполнение в том году злополучного пункта инструкции он объяснил недавним вступлением в должность, в то же время настаивая на своей правоте по существу дела. Инспектор сообщил, что по бухгалтерским книгам, представленным Г.И. Фуксманом в 1912 г., оборот мельницы за 1911 г. составил 776,6 тыс. руб. «По сведениям Членов Присутствия», эта цифра была заниженной; книги (неверно оформленные) признали негодными, Фуксману вменили прибыль в 1 200 тыс. руб. Почти точное совпадение этой цифры с тем, что сам Фуксман заявил в следующем, 1913 г. (1 160 тыс.), инспектор с воодушевлением выставил на вид как подтверждение оценки присутствия. Ко времени раскладки 1913 г. инспектор уже успел запастись сведениями об основных статьях дохода и расхода мельницы Фуксмана, по которым и вывел прибыль в 20%. О способах сбора этих сведений инспектор умолчал, но подчеркнул, что цифры были одобрены членами присутствия. Последние ещё и добавили, что «на рынке крупчатка г. Фуксмана (и Горохова) на 25 коп. за куль дороже крупчатки других мукомолов», – значит, при расчёте дохода Фуксмана надо учитывать не среднюю рыночную цену муки, а повышенную.

Забегая вперёд, стоит сказать здесь, что на уровне губернии (в общем присутствии казённой палаты) представители плательщиков выявили ещё одно враждебное Фуксману обстоятельство, не замеченное инспектором. Лавка для продажи муки Ильинской мельницы на базаре, впервые оформленная на имя Г.И. Фуксмана, была ошибочно отнесена инспектором к числу «первогодных» (и потому не включена в раскладку дополнительного промыслового налога). На деле она лишь перешла от отца к сыну и по закону подлежала обложению на общих основаниях [12. Л. 233–234]. Очевидно, чувство солидарности плательщиков в деле Фуксмана оказалось слабее чувства конкуренции.

Итак, если отбросить риторику, доводы инспектора сводятся к поддержке определённых им цифр представителями плательщиков. То ли не утруждая себя переписыванием подробностей, то ли не придавая им первостепенного значения, палата переслала подлинник инспекторского ответа в столичный департамент, от себя же добавила дополнительные обстоятельства.

Пространными цитатами из журналов 2-го и 3-го Томских раскладочных присутствий палата показала, что в 1912 г. они повысили процент «нормальной прибыльности» мукомолов с 10–15 до 20 по одной и той же причине – «ввиду того, что, заготовив на 1911 г. зерно по дешёвой покупной цене, эти предприятия со второй половины 1911 г. продавали муку по сильно поднявшейся цене (под влиянием неурожая)». Сибирский неурожай 1911 г. поставил Западную Сибирь слишком близко к катастрофе, чрезвычайные действия государства и общества по предотвращению голода отняли слишком много сил и денег, чтобы современники могли простить кому-либо наживу на этой беде (действительную или кажущуюся).

Попутно здесь отметим разницу в изображении раскладки 1912 г. противоборствующими сторонами. Вологодский, излагая свои обиды министру, так описывал события: «Раскладочное Присутствие в 1912 и 1913 гг., забраковав торговые книги моего доверителя по сомнительным основаниям, установило в 1912 г. оборот его мельницы в 1 200 000 руб., а прибыль в 360 000 руб., уменьшенную впоследствии Казённой палатой до 240 000 вместо значащихся<sup>3</sup> по книгам сумм в 776 621 руб. и 51 626 руб., а в 1913 г. приняло оборот по книгам в 1 160 400 руб., а прибыль определила из означенного процента в 232.080 руб. вместо значащейся по книгам в 61 314 руб.» [12. Л. 220 об. – 221]. В изображении Вологодского противостояние 1912 г. было настолько острым, что казённой палате пришлось урезонивать присутствие, пытавшееся назначить мукомолам «нормальную прибыльность» вовсе небывалую – 30%.

Со своей стороны и инспектор, и палата излагают дело проще: инспектор (на основе приводимого им расчёта) предложил 20%, раскладочное присутствие эту цифру утвердило, палата одобрила. Едва ли и инспектору, и палате имело смысл скрывать спор (причём скрывать не умолчанием, а прямым обманом, который легче раскрыть), если бы он имел место. По всей видимости, утверждение Вологодского о попытке вменить Ильинской мельнице 30-процентную прибыльность было отголоском предварительных обсуждений или слухов (в условиях секретности журналов присутствия). Но и в этом случае ясно, что основной накал противостояния пришёлся на первую половину 1912 г., когда тяжкие впечатления от неурожая ещё не стали историей.

Составленный казённой палатой документ лёг в основу министерского ответа от 17 октября 1913 г., который подписали товарищ министра Н.Н. Покровский и директор Департамента окладных сборов А.А. Вишняков [Там же. Л. 227–227 об.]. Оставив в стороне столь ценную для Вологодского инструкцию, автор документа напомнил, что постановления казённой палаты по вопросу о средних процентах прибыльности групп предприятий не подлежат обжалованию со стороны плательщиков. Но ключевой довод сотрудники Минфина заимствовали у Томской казённой палаты. Министерская формулировка ставит действия мукомолов в условиях неурожая в прямую связь с отказным решением: «Я не нахожу в действиях податных учреждений указываемых просителем неправильностей, так как

повышение процентов средней прибыльности <...> по паровым крупчатно-мельничным предприятиям, расположенным в г. Томске и близких его окрестностях и сосредоточенным в руках крупных капиталистов, последовало <...> ввиду того, что эти предприятия со второй половины 1911 года продавали муку по сильно поднявшейся цене (под влиянием неурожая)» [12. Л. 227–227 об.].

Итак, чиновники и «коллеги» позавидовали мукомолам из-за роста цен на муку после западносибирского неурожая 1911 г. Однако логика чиновников содержит существенный изъян. Если сверхприбыль 1911 г. была следствием использования мукомолами дешёвых докризисных запасов зерна, то почему в 1912 г. условия их работы были признаны «неизменившимися» и «нормальная прибыльность» сохранена на уровне 20%? Инспектор, говоря о прибыли 1912 г., подтверждает её расчётом, в котором сопоставляются цена зерна, производственные расходы мельницы, выход муки из зерна, цена муки, объём производства Фуксмана. Даже если все цифры инспектора верны (хотя они ничем не доказаны), всё-таки речь идёт о регулярной прибыли мельницы. В 1912 г. мельница явно не могла пользоваться ещё докризисным зерном (урожая 1909 г.), и значит, прибыль 1912 г. – это прибыль от продажи дорогой муки, полученной из дорогого зерна. Если действительно регулярная прибыль мельничного дела составляла 20%, то сверхприбыль 1911 г. должна была составлять существенно большую величину. Утверждения о сверхприбыли 1911 г. и о «неизменившихся условиях» 1912 г. взаимно противоречивы. Очевидно, этот явный логический изъян маскирует наличие других соображений.

Именно в этом смысле следует рассматривать огорку про «крупных капиталистов», из доклада казённой палаты перекочевавшую в министерский ответ. Ясно, что это намёк на монополизацию рынка и злонамеренное завышение цен для собственной наживы в ущерб народному интересу. В докладе казённой палаты этот намёк расшифровывался прямо: «Диктуя цены самовольно, мельники не теряют ничего в случае вздорожания продуктов. Так, были даже случаи повышения продажных цен до 50%» [Там же. Л. 224 об.].

Наконец, обратим внимание на то, как постепенно выходил на первый план довод о завышенных ценах 1911 г. Цитаты из журналов раскладочных присутствий ясно показывают, что довод этот идёт снизу, от первой инстанции. Тем не менее в том ответе, который председатель раскладочного присутствия отправляет палате, о неурожае не упоминается вообще. Казённая палата выводит этот довод из тени – но только во внутренней переписке; обращение же Вологодского по поводу неправильного установления прибыльности отвергается по формальным основаниям (отсутствие у плательщика права обсуждать этот вопрос). И только министерство, которое ведь тоже имело возможность ограничиться тем же самым формальным ответом, главным доводом выставило поведение мукомолов во время кризиса. Почему же местные чиновники при общении с плательщиком маскировали этот козырь? Ясно, что они понимали его юридическую несостоятельность: нельзя повышать налог лишь потому, что

деньги заработаны «нечестно». Затаив досаду на предпринимателя, они искали формальных оснований, чтобы насолить ему, и нашли. Столичные чиновники оказались более смелыми и не постеснялись дать понять плательщику, что корень его бед лежит за пределами фискальных инструкций. При этом они прошли по краю допустимого: повышение цен в неурожайную годину выставлялось как свидетельство повышенного дохода; моральная же неприемлемость этого действия (которая и составляла действительную причину) показывалась лишь намёком.

История безуспешной борьбы Фуксмана в 1913 г. за снижение податного бремени показывает нам особенности правоприменительной практики в России, непосредственно касающиеся взаимоотношений государства и предпринимателей. Налоговое законодательство допускало определённый произвол чиновников при определении прибыли неотчётных предприятий, и чиновники этим правом воспользовались, чтобы взять побольше с купца, который, в их представлении, использовал предосудительный способ зарабатывания денег. Правда, в итоге высшее начальство всё-таки потребовало от податного инспектора более

тщательного соблюдения инструкции о методах установления налогооблагаемой базы. Таким образом, возможность субъективного действия ограничивалась заранее оговорёнными правилами игры. Картина усложняется тем, что чиновников деятельно поддерживали представители плательщиков и на уровне уезда, и на уровне губернии. Таким образом, государство, проявляя в данном случае «узаконенный произвол», действовало в согласии с общественным мнением. При этом возможность такого произвола в отношении предприятий с правильной бухгалтерией была как минимум существенно ограничена.

Перед нами – случай «наполовину полного или наполовину пустого стакана»: факты позволяют подкрепить и тезис о всевластии государства, и положение о юридической защищённости предпринимателей. В таких случаях итоговый вывод зависит от того, с чем сравнивать. Сравнивая положение предпринимателей на закате Российской империи и с дореформенными, и с послереволюционными временами, мы понимаем, что это – время небывалого развития предпринимательских возможностей отстаивать собственные права перед лицом даже высших чиновников.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> В 1901 г. представитель фирмы простодушно пояснил инспектору, что книги за весь минувший год составлены специально для подачи в присутствие, причём незадолго до этого события, т.е., с точки зрения правильной бухгалтерии, подделаны. Это стало достаточным основанием для их отклонения. См.: [13. Л. 56–56 об.].

<sup>2</sup> Имеется в виду деятельность присутствия в 1912 и 1913 гг. по определению прибыли, соответственно, за 1911 и 1912 гг.

<sup>3</sup> В документе – «значущейся».

## ЛИТЕРАТУРА

1. Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л.: Наука, 1988.
2. Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны 1914–1917 гг. Л.: Наука, 1967.
3. Лаверычев В.Я. Государство и монополии в дореволюционной России. Проблемы вмешательства абсолютистского государства в экономическую жизнь и воздействия капиталистических монополий на государственный аппарат. М.: Мысль, 1982.
4. Лаверычев В.Я. Крупная буржуазия в пореформенной России 1861–1900 гг. М.: Мысль, 1974.
5. Мосина И.Г. Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири. Томск, 1978.
6. Шепелёв Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Л.: Наука, 1987.
7. Шепелёв Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX в. Проблемы торгово-промышленной политики Л.: Наука, 1981.
8. Тарновский К.Н. Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1995.
9. Киселёв А.Г. Фирма на рынках Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. Ханты-Мансийск, 2008.
10. Сорокина Н.Л. Торговые дома Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2013.
11. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Ф-196. Оп. 3. Д. 548.
12. ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 3. Д. 549.
13. ГАТО. Ф. Ф-200. Оп. 1. Д. 56.

Статья представлена научной редакцией «История» 18 декабря 2014 г.

## TAX CONTROVERSY BETWEEN MERCHANT GRIGORIY FUKSMAN AND THE TREASURY IN 1913: FORMAL ARGUMENTS AND TRUE REASONS

*Tomsk State University Journal*, 2015, 391, 127–132. DOI 10.17223/15617793/391/21

**Kirillov Alexey K.** Institute of History, SB RAS, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: alkir.nsk@gmail.com

**Keywords:** Fuksman Grigoriy Ilyich; Vologodsky Pyotr Vasilyevich; *raskladochnoye prisutstviye* (apportionment office); *promyslovy nalog* (entrepreneurial tax); West Siberian crop failure of 1911; Russian merchants at the beginning of the 20th century.

In 1913, a controversy raised between lawyer Pyotr V. Vologodsky, as a representative of Tomsk steam mill owner Grigoriy I. Fuksman, and officials of the Treasury. The controversy concerned the amount of the *promyslovy nalog* (entrepreneurial tax) charged upon the mill for its operations during 1911 and 1912. The position of Vologodsky is expressed in two documents. One of them caused but little trouble to the officials. As stated by law, the representative of Fuksman brought an objection to the *raskladochnoye prisutstviye* (apportionment office). First of all, he tried to prove in his objection that the book-keeping of the enterprise fit the standard and had to be considered the only true source of the mill's profit figure. This was rejected by the *raskladochnoye prisutstviye* and *kazyonnaya palata* (regional Treasury office). Besides, the lawyer provided figures of market prices for crop and flour during 1911 and 1912 in order to prove that the profit rate imputed to Fuksman was much overestimated. This claim was even easier to reject: taxpayers were not allowed to discuss the "normal profit" rates confirmed by *kazyonnaya palata* for each industry. On the eve of

bringing the objection to the *raskladochnoye prisutstviye* Vologodsky sent a complaint to the finance minister. Laying book-keeping details aside, he stressed the breach of the official instruction by the tax inspector when working out "normal profit" figures for mills. Upon receiving this document the ministry requested explanation from the local executives, so we have three different responses to compare. The tax inspector tried to support the validity of his figures by the opinion of the taxpayers' representatives at the *raskladochnoye prisutstviye*. The *kazyonnaya palata* in its reply added a new substantial fact: it explained that the "normal profit" rates at Tomsk district were increased after the West-Siberian crop failure of 1911, when the mills increased prices for their products rapidly. The "normal profit" rates increase was introduced by the *raskladochnoye prisutstviye*, that is by the tax inspector, but he never mentioned this in his explication. Nor had the *kazyonnaya palata* revealed this reason to Vologodsky itself. It was only the deputy minister Nikolay N. Pokrovsky who appeared decisive enough to show to the taxpayer the true background of his tax problems. The case of Fuksman proves that officials of the late Russian Empire did have means to impose heavier tax on entrepreneurs according to their personal preferences, but these means were restricted by certain legal regulation. Thus, the article is a contribution to the issue of entrepreneurs' rights in the late imperial Russia. Besides, it provides some features to the personal portrait of Pyotr V. Vologodsky, a prominent actor of the Russian Civil War as the Prime-Minister under Alexander V. Kolchak (1918–1919). The article is based on the documents from the archival funds of the *Kazennaya palata* and the tax inspector.

#### REFERENCES

1. Dyakin V.S. *Burzhuziya, dvoryanstvo i tsarizm v 1911–1914 gg. Razlozhenie tret'eiyun'skoy sistemy* [The bourgeoisie, the nobility and the tsarist government of 1911-1914. June-the-third system decomposition]. Leningrad: Nauka Publ., 1988. 229 p.
2. Dyakin V.S. *Russkaya burzhuziya i tsarizm v gody Pervoy mirovoy voyny 1914–1917 gg.* [Russian bourgeoisie and the tsarist government during the First World War of 1914-1917]. Leningrad: Nauka Publ., 1967. 374 p.
3. Laverychev V.Ya. *Gosudarstvo i monopolii v dorevolyutsionnoy Rossii. Problemy vmeshatel'stva absolyutistskogo gosudarstva v ekonomicheskuyu zhizn' i vozdeystviya kapitalisticheskikh monopolii na gosudarstvennyy apparat* [State and monopolies in pre-revolutionary Russia. Problems of absolutist state intervention in economic life and the impact of capitalist monopolies on the state apparatus]. Moscow: Mysl' Publ., 1982. 198 p.
4. Laverychev V.Ya. *Krupnaya burzhuziya v poreformennoy Rossii 1861–1900 gg.* [The big bourgeoisie in the post-reform Russia in 1861–1900]. Moscow: Mysl' Publ., 1974. 281 p.
5. Mosina I.G. *Formirovanie burzhuzii v politicheskuyu silu v Sibiri* [Formation of the bourgeoisie into a political force in Siberia]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1978. 169 p.
6. Shepelev L.E. *Tsarizm i burzhuziya v 1904–1914 gg.* [Tsarism and the bourgeoisie in the 1904-1914]. Leningrad: Nauka Publ., 1987. 272 p.
7. Shepelev L.E. *Tsarizm i burzhuziya vo vtoroy polovine XIX v. Problemy torgovo-promyshlennoy politiki* [Tsarism and the bourgeoisie in the second half of the 19th century. Problems of trade and industrial policy]. Leningrad: Nauka Publ., 1981. 276 p.
8. Tarnovskiy K.N. *Melkaya promyshlennost' Rossii v kontse XIX – nachale XX v.* [Small industry of Russia in the late 19th – early 20th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1995. 269 p.
9. Kiselev A.G. *Firma na rynkakh Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX v.* [Firm in Western Siberia in the late 19th – early 20th centuries]. Khanty-Mansiysk: Ugra State University Publ., 2008. 243 p.
10. Sorokina N.L. *Torgovye doma Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX v.*: dis. kand. ist. nauk [19th – early 20th centuries. History Cand. Diss.]. Barnaul, 2013.
11. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund F-196. List 3. File 548.
12. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund F-196. List 3. File 549.
13. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund F-200. List 1. File 56.

*Received: 18 December 2014*